

общественное назначение, в каждом отдельном случае относится к известной общественной группе, и хотя обличение ведется в широкой отвлеченной перспективе, однако оно никогда не теряет конкретной точки своего приложения. В одних словах обличается монашество вместе с высшими представителями его, в других — белое духовенство, в третьих — боярство.

Обличению монашества посвящены, главным образом, четыре произведения Максима Грека: 1) «Повѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ». 2) «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ. Лица же стязующихся Филоктимонъ да Актимонъ, сирѣчь любостяжательный да нестяжательный». 3) «Слово о покаяніи вельми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съразумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его». 4) «Слово душе полезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуетъ умъ къ души своей; въ немъ же и на лихоимство». — «Повѣсть» написана, вероятно, до 1525 г., а «Стязаніе», «Слово о покаяніи» и «Слово душеполезно» между 1531 и 1537 гг. К первым выступлениям против стяжательного монашества Максима Грека приводило не только его общее мирозозерцание, но также и рано установившаяся близость его к поборнику нестяжательности Вассиану Патрикееву, полемика которого с иосифлянами подготавливала обличения Максима. В сочинениях того и другого писателя мы находим не только один и тот же общий мотив обличений, но и совпадения их в отдельных существенных элементах. Так, и Максим и Вассиан говорят об одних и тех же формах монастырской эксплуатации: оба указывают и на лихвенные проценты за ссуды крестьянам, и на притеснение их судебными тяжбами из-за земли, и на спекуляцию с хлебом в голодное время. Далее, заметно сходство в отдельных чертах, какими описываются у обоих мирская гордость и роскошь высших представителей монашествующего духовенства. При указанном сходстве с Вассианом Максим Грек глубоко отличен от него. В то время как тон речи Вассиана более житскій, более близкий к обыденности и следовательно более задевающий, Максим Грек отвлекается от непосредственно данной пестроты жизненного многообразия, часто не называет вещей их обыденными именами, но зато придает всему обличению особую принципиальную углубленность. Кроме того, Максим Грек идет дальше Вассиана и вводит ряд новых обличительных пунктов: таков очерченный им тип воинственного иерарха-феодала, в мирное время окруженного ратными людьми, а во время войны благословляющего их убивать единовѣрныхъ братьевъ, такова картина шумного проезда по городу высшего сановника церкви; таково, наконец, изображение взаимныхъ отношений честолюбивого монашества, проникнутыхъ духомъ клеветы и лицемерной